

ВОЗВРАЩЕНИЕ ПРАВЯЩЕЙ ПАРТИИ

Нет худа без добра

Процесс частичного возвращения старых, советских форм политической жизни, исподволь начавшийся едва ли не сразу же после ликвидации КПСС и СССР, приобретает все более заметный и все более гротескный характер. После президентских выборов, восстановивших советскую модель голосования как торжественного ритуала изъявления покорности и лояльности власти, намечается следующий шаг — воссоздание чего-то вроде КПСС. Естественно, уже не как партии, номенклатура которой управляет государственной собственностью, а как партии номенклатуры, эту собственность приватизировавшей. Разговоры о создании «президентской партии» периодически велись весь ельцинский период. Но только теперь, при новом президенте, от слов, похоже, переходят к делу, сознательно и открыто беря КПСС, ВЛКСМ и даже пионерскую организацию как модели для подражания, что само собой становится пародированием и порождает в воображении разные комические картины типа партсобраний в Альфа-банке, обсуждения в кулуарах вопроса, войдет ли Абрамович в ЦК, и очередей на вступление творческой интеллигенции в «Единство» или как оно там будет называться. Для чего и кому это нужно?

Непосредственными двигателями нового партстроительства являются, очевидно, те представители элиты, которые по каким-то причинам не нашли себе достойного места в бюрократии или бизнесе и справедливо видят в новой партии множество новых должностей (ЦК, райкомы, обкомы и т. д.). Но то, что именно сейчас они принялись за серьезную работу, разумеется, не случайно. Эпоха освобождения и приватизации кончилась. Воплощавший дух этой эпохи Ельцин никаких партий не хотел, предпочитая свободную жизнь «президента всех россиян». Из своего обкомовского прошлого он перенес в новую эру не нудные ритуалы партийных форумов, а добрые обычаи обкомовских бань и пьянок. Но это легкомыслие и «разнузданность» кончаются вместе с оргией приватизации. Как Ельцин воплощал свое время, так новый президент с его совершенно иной психологией и иным генезисом воплощает дух новой эпохи, эпохи консолидации и возвращения порядка. При этом представление о порядке, эффективности, контролируемости, естественно, определяется прошлым опытом — это партия, комсомол, пионеры, КГБ и обузданные СМИ.

Что может представлять собой новая правящая партия, если, конечно, ее создание как официально президентской, путинской партии будет окончательно решенным делом? Попробуем понять, кто войдет и кто не войдет в такую партию. Естественно, в нее должны войти все, кто уже сейчас входит в неформальную «партию власти», и все, кто хочет нормальной карьеры и спокойной службы. Могут войти, даже без особых душевных мук, многие коммунисты, для кого КПРФ является партией бывшего порядка, противостоящей беспорядку, и которые теперь увидят, что «смутное время», слава богу, кончается. Могут войти и множество интеллигентов, тяготеющих сейчас к «Яблоку» и правым, — они будут объяснять это так же, как в свое время объясняли вступление в КПСС — тем, что без таких благородных личностей, как они, верх в ней возьмут реакционеры и негодяи. Фактически этот процесс начался уже давно, когда входили в ельцинские правительства и администрацию (то есть перебегать в неформальную

«партию власти») стали, с одной стороны, коммунисты Маслюков и Рыбкин, с другой, «яблочники» Задорнов и Дмитриева. Таким образом, в партию вполне может войти (хочется сказать — вернуться) почти вся наша политическая элита. Не войдут только относительно маргинальные «очень левые» и «очень правые» — немногие действительно идейные коммунисты и тоже немногие «вечные оппозиционе-ры»-интеллигенты.

Поэтому вряд ли правильно определять эту строящуюся партию как партию «правого центра». Правильнее будет называть ее просто партией центра, партией, формулирующей в борьбе клик и фракций и проводящей в жизнь среднюю равнодействующую линию защиты интересов обуржуазившейся номенклатуры. Другое дело, что после революционных событий 1989—1993 гг. само понятие центра, средней линии радикально изменилось и, если, например, еще в 1990 г. требование приватизации было свидетельством правого экстремизма, то в 2000-м, наоборот, нужно быть экстремистом, чтобы думать даже о частичном пересмотре ее результатов.

Поэтому новая партия будет реальной наследницей КПСС, которая на деле тоже была партией центра и некоей средненоменклатурной политической линии. Только при КПСС «реакционные» и «прогрессивные» силы существовали в основном внутри нее, но «на периферии», вне ее реальных властных структур, и не были организованы формально, а сейчас они будут не только внутри, но, очевидно, и вовне, в виде самостоятельных и легальных организаций.

КПРФ или то, что от нее останется, будет прямым продолжением неформального течения приверженцев журналов «Октябрь» и «Молодая гвардия» 70-х гг., «Яблоко» и правые — нечто вроде организованного в партии аналога той публики, которая в свое время читала «Новый мир» и даже «самиздат» и посещала Театр на Таганке. Реальная политическая структура определяется прежде всего культурными и психологическими факторами, она — неизмеримо прочнее и формальной политической структуры, и даже — господствующей формы собственности.

Конечно, новая партийно-политическая структура будет повторением советской уже «на новом этапе». Не только идеология правящей партии будет иной (хотя психология останется во многом прежней), но и партийная система будет не однопартийная, а скорее «полуоднопартийная», ибо кроме мощной правящей партии будут и легальные «правая» и «левая» оппозиции, пользующиеся, хотя и в некоторых рамках, свободой слова и регулярно участвующие в выборах. При этом она в значительной мере будет сохранять «безальтернативность» и «закрытость» советской системы со всеми вытекающими из этого следствиями.

Однако такая система по сравнению с тем, что есть сейчас, будет скорее шагом вперед, чем назад. В идее организованной «президентской партии» есть много привлекательного для президента, тем более преданного идее порядка и эффективности. Возникает организация, которую можно использовать для реализации «на местах» решений федеральной власти, охватывающая всю страну и в какой-то мере ее скрепляющая. Появляется механизм отбора и продвижения новых кадров, относительно четкие критерии того, кто «свой», а кто «чужой» — членство в партии, новое средство контроля и наказания всякого рода «диссидентов» — исключение из партии. Но все эти механизмы одновременно являются и механизмами ограничения авторитарной власти. Если сложится такая партия, президенту будет уже очень трудно совершенно произвольно, подчиняясь своим капризам, назначать и убирать премьеров, как это делал Ельцин. При наличии правящей партии появление, например, Кириенко в роли премьера было бы исключено — Политбюро не утвердило бы. Более того, было бы исключено и

появление самого Путина в роли преемника. Если Путин действительно создаст свою партию, он уже не сможет передать власть кому угодно — так, как она была передана ему самому. Это будет означать переход от самодурского авторитаризма ельцинского двора с его Коржаковыми и Абрамовичами к авторитаризму более ограниченному и упорядоченному, с элементами формальной партийной олигархии и, может быть, даже с некоторыми элементами внутрипартийной демократии.

Правящая партия, имеющая все-таки определенные границы и структуру и какую-то, пусть состоящую в основном из общих слов программу, — это всё же нечто более рациональное, чем просто власть, и скорее может вызвать к жизни осмысленный и организованный политический процесс и политический протест. Когда идеологические и организационные грани неформальной партии власти размыты и неопределенны, может быть всё — вчерашний принципиальный оппозиционер может легко стать министром и так же легко быть из министров вышвырнутым. Бывший министр вроде Степашина может на минутку перейти в партию решительных борцов с режимом и тут же снова стать министром. Все эти переходы даже не ощущаются как нечто серьезное, как изменение позиции или предательство. Почти ни про кого нельзя сказать, что он четко в «партии власти», и ни про кого, что он — четко в оппозиции. При новой партии, чтобы войти во власть, надо будет все-таки из оппозиционной партии перейти в правящую, и это в какой-то мере затруднит такие переходы и сдвинет политическую жизнь в сторону от карьерных придворных интриг к борьбе организаций и программ.

И хотя по опыту других стран с аналогичной системой (Индия, Италия, Мексика) мы знаем, что появление реальной альтернативы подобной партии — процесс, который может затянуться на многие десятилетия, хорошо хотя бы то, что задача создания такой альтернативы становится более ясной и осмысленной. Это уже не просто «свержение антинародного режима» или стремление заменить человека, который нам не нравится, а поиски стратегии электоральной победы над определенной, ясно очерченной силой. Таким образом, в создании «президентской партии» есть и свои положительные стороны. Это — не только возвращение КПСС в виде фарса. Это — переход от теперешней системы, настолько плохой, что ей трудно найти аналогии в мире и истории, к системе просто плохой, от системы полной бесконтрольности президента и его фаворитов к системе ограниченного контроля над ней, от почти мистического ощущения безальтернативное™, так ярко проявившегося при голосовании за Путина, к трудным поискам альтернативы. И именно поэтому я думаю, что Путин, при всей своей любви к порядку и эффективности, еще сто раз подумает, прежде чем решится связать себя с создаваемой для него и под него партией.